

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTURAL STUDIES

УДК 008:821.161.1
ББК Ч11:Ш141.12

*Игорь Ашотович Арзуманов,
доктор культурологии, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1)
e-mail: arzumanov@mail.ru*

Религиозно-культурные и философско-правовые аспекты формирования гражданского единения россиян

Миссиология мировых религий и их этноконфессиональных страт объективно выступают основным инструментарием социополитической и социокультурной дезинтеграции в условиях глобального культур-цивилизационного дуализма. Объективный фактор полирелигиозности общества определяет необходимость выработки государственных механизмов социополитической и социокультурной унификации поли-этно-конфессионального пространства Российской Федерации. Выявляемые методологические противоречия, лежащие в основе проблем национального единения, характеризуются следующими факторами: отсутствием возможности использования сугубо конфессиональных детерминаций при реализации основной задачи – выработке духовного единения; в условиях поликонфессиональности данная проблема в конфессиональных стратах религиозных культур не имеет достаточных методологических оснований для решения; «уходом» государства из экономической и идеологической макросфер общественных отношений, и политизацией интеграционного потенциала религиозно-культурных комплексов титульных наций и народов субъектов Российской Федерации; использованием религиозного фактора в политических целях (в том числе и глобального характера) и актуализацией управленческих функций государства в этноконфессиональной сфере общественных отношений; проблемой сопряжения традиционного этатизма, помноженного на камеральные принципы управления обществом, с видением гражданского единения, при котором государство понимается как функциональное производное гражданского общества.

Ключевые слова: религиозная культура, идеологическая функция, гражданское единение.

*Igor Ashotovich Arzumanov,
Doctor of Culturology, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: arzumanov@mail.ru*

Religious-Cultural and Philosophical-Legal Aspects of the Russian Citizens' Civil Unity Formation

The missiology of world religions and their ethnoconfessional strata, objectively perform as basic tools of sociopolitical and socio-cultural disintegration in the conditions of global cultural and civilization dualism. The objective factor of poly-confessionalism of society determines the need to elaborate state mechanisms of socio-political and socio-cultural unification of poly-ethno-confessional field of the Russian Federation. The revealed methodological contradictions underlying the problems of national unity are characterized by the following factors: lack of ability to use purely religious determinations in achieving the basic objective – the development of spiritual unity; in the conditions of poly-confessionalism the given problem in religious strata of religious cultures does not have sufficient methodological grounds in order to be solved; state “departure” from the

economic and ideological macro-spheres of public relations and politicization of integration potential of religious and cultural complexes of the eponymous nations and peoples of the constituent territories of the Russian Federation; using the religious factor for political purposes (including those of global nature) and updating of administrative functions of the state in ethno-confessional spheres of social relations; the problem of interfacing of the traditional etatism, multiplied by paper methods of governing the society, with the vision of civil unity, where the state is understood as a functional derivative of a civil society.

Keywords: religious culture, ideological function, civil unity.

Проблемы гражданского единения россиян необходимо рассматривать с позиций понятия гражданское общество, в свою очередь, выводящее к взаимосвязям личности, социальных групп, общественных формирований, государства и правового регулирования. Понятие гражданского общества до сих пор относится к дискуссионным и на современном этапе не приведённым к общему знаменателю. Водораздел проходит через два основных блока размышлений. Первый из них связан с жёстким противопоставлением гражданского общества и государства. Второй – с отождествлением государства и гражданского общества. Каждая из этих позиций имеет свою историю возникновения, становления и специфику современного понимания.

С учётом современных реалий специфика дифференциации гражданского общества, государства и права связана с пониманием государства и гражданского общества в узком смысле. Государства – как суверенной политико-территориальной организации, состоящей из органов управления и принуждения, существующей за счёт общества, выражающей его власть и осуществляющей её в целях создания и поддержания в обществе определённого порядка [11, с. 25]. Гражданского общества – как сферы частных дел и интересов, освобождённой от прямого воздействия государственно-властных институтов, являющейся автономной, непосредственно не зависящей от государства сферой жизнедеятельности людей. Именно из данного соотношения выводятся проблемы методологического порядка в их практико-прогностической плоскости, прежде всего при анализе взаимодействия государства, права и гражданского общества в России на современном этапе, во-первых. Проблем этноконфессиональных аспектов формирования гражданского единения россиян, во-вторых. Принцип невмешательства государства во внутренние дела религиозных институтов является основным и достаточ-

но последовательно оберегаемым со стороны самих религиозных институтов. На практике использование культур-религиозного фактора в политических целях (в том числе и глобального характера), все более актуализирует усиление контрольных функций государства в этноконфессиональной сфере общественных отношений [4; 3; 12]. Сфера конфессионального в социальной жизни занимает в эпоху глобальных трансформаций её форм стабильное значение генератора этнокультурного кода. В системной проекции он имеет различные функциональные ипостаси, основной из которых является ценностно-интеграционная. Аксиологическая детерминация природы этноконфессиональных отношений имеет полевой характер в силу подчас диаметрально-заряженных комплексов доктринального уровня сознания, имеющих свою проекцию в конфессиональных стратах религиозных систем. В макро-проекции данный аспект лежит в основе культур-цивилизационной (в силу этого не снимаемой), геополитической апории Запад – Восток (например, в комплексе взаимодействия государственно-организованных сообществ католического и протестантского мира (Запад) и мира православного – Восток) и Восток – Восток (России – Евразии и мира с индо- и конфуцианско-буддистским маркером культурного кода социальных систем). Политическая практика последних 20–25 лет свидетельствует об усугублении данной апории.

В условиях федеративной формы государственного устройства (в том числе и по национально-территориальному принципу) стремительная атомизация культурного пространства по религиозно-конфессиональному признаку, безусловно, влечёт за собой постановку ряда методологических проблем. Они возникают и при государственном управлении и регулировании этноконфессиональной сферы общественных отношений как одного из основных направлений деятельности государства (рассматриваемого в данном случае в качестве

центрального звена политической системы общества). Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (далее ФЦП), принятая во исполнение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (утверждённой 19 декабря 2012 г. – далее Стратегии), с одной стороны, призвана систематизировать подходы к реализации идеологической функции государства в сфере национальной политики, а с другой, дать видение её механизмов. Не случайно в связи с этим социально интеграционный потенциал религиозных комплексов выводится в качестве одного из системообразующих факторов.

Понятийный аппарат, как Стратегии, так и ФЦП, касающийся собственно видения ракурса проблематики в условиях полиэтноконфессионального пространства РФ, определён двумя базовыми детерминантами: во-первых, международно-правовым блоком (общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ), определяющим обязательства РФ по сохранению этнокультурного многообразия и своеобразия и «прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств»; во-вторых, современным характером конституционных принципов государственного устройства (федерализма) и политического режима (демократия), призванных развивать потенциал российской нации и всех составляющих её этнических общностей.

В качестве системообразующего фактора государственного и гражданского строительства в программных документах определены русский народ и Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) (далее РПЦ МП) по факту своего доминирования в общем историческом процессе культур-цивилизационного бытования российско-евразийского пространства. Как следствие, в рамках Федеральной программы на период 2014–2015 гг. РПЦ МП выделено 1 млрд 758 млн р.

Необходимо при этом учитывать, что исторический прецедент, определяющий интеграционную «память» общности судеб социально-экономической жизни, складывался в политико-правовом режиме и условиях, диаметрально противоположных ныне конституционно декларированным формам государственного устройства, правления и поли-

тического режима. Имеются в виду имперский и советский периоды, сходные по эффективности методологии интеграционной функции фактически унитарного государства.

В социальных системах субъектов РФ (образованных по национально-территориальному признаку) вопрос об интеграционно-унифицирующей функции этноконфессиональных институтов носит подчас предельно выраженный характер. В региональной практике властеотношений на примере Восточной Сибири эти особенности проявляются достаточно рельефно уже с конца 80-х – нач. 90-х гг. XX в. [1; 2].

Восточно-Сибирский регион переживал (и переживает) период активной этноидентификации по религиозно-конфессиональному признаку. В качестве интеграционных детерминант этнической и субэтнической самоидентификации выступают институты христианства и буддизма в их традиционных для России конфессиональных структурах – православие (в том числе старообрядческие общины), ламаизма (тибетской ветви буддизма), а также социокультурного комплекса шаманизма (вступившего в активную фазу институализации и конфессионализации). С одной стороны, данные тенденции подтверждают тезис о том, что конфессионально детерминированный код этнической культуры является идентификационным маркером локальных процессов этноинтеграции. С другой стороны, данные процессы характеризуются углублением атомизации социокультурного пространства в силу не снимаемых базово-доктринальных расхождений конфессиональных институтов (имеющих, как уже отмечалось, разновекторные характеристики антропосоциальной проекции вероучения). Как следствие на фоне системного кризиса (характерного для переходного периода государственного обустройства), «ухода» государства из экономической и идеологической макросфер общественных отношений, интеграционный потенциал религиозно-культурных комплексов титульных наций и народов субъектов Российской Федерации политизируется. В условиях эмансипации в финансово-хозяйственной сфере, латентно проявляется возможность и эмансипации этнополитической (выраженной, в частности, в начале 90-х гг. прошлого столетия реанимацией панбуддистских и панмонгольских геополитических проектов, как китайского, так и японского вектора).

Данный тезис усиливается миссиологическим аспектом мировых религиозно-культурных систем, в условиях деструкции национальной и религиозной политики, явно и латентно нивелирующим общенациональные интеграционные процессы. В этой связи возникает вопрос об аксиологической составляющей этноконфессиональных факторов гражданского единения, не имеющих базовых, общенациональных идеологем (хоть отчасти, но трансформирующих поле этноконфессионального сепаратизма в общенациональное пространство), поскольку гражданское единение обусловлено общностью интересов прежде всего. Вопрос встаёт о содержательной природе этих интересов и ракурсе их разворота. Если иметь в виду понимание гражданского единения в целях защиты коллективных интересов перед лицом государства как политической организации, то опять же, данное единение будет конфессионально детерминировано. Если же вопрос ставится о необходимости формирования данных интересов в целях общероссийской интеграции и гражданского единения, то встаёт вопрос о критериях идеологической системы (прежде всего, как системы ментальных ценностей) общегосударственного масштаба. В этой связи мы выходим на позиции, при которых (с учётом полиэтноконфессионального состава РФ, федеративной формой государственного устройства, светским режимом правового регулирования религиозной сферы) встаёт вопрос о механизме реализации государством идеологической функции в обществе.

И это действительно проблема. Прежде всего потому, что на современном этапе развития российского государственного управления и теории права, нет чётко выработанных критериев базовой методологии решения данного комплекса. Но есть прецеденты решения при условиях унитарной формы государственного устройства (территориально-административный унитаризм российской империи) или в условиях идеократии советского периода. И в первом, и во втором случаях имеет место моноидеологическая модель: в имперский период прерогатива миссионерства для структур РПЦ, в советский – авторитарная идеократия атеизма. На постсоветском политическом пространстве наличествуют попытки национального строительства посредством активизации конфессионального фактора «сверху», например, ситуации в Казахста-

не, где в 2011 г. был провозглашён курс по реализации принципа – «одна нация – одна религия». Примечателен как сам факт выявления данной тенденции на постсоветском пространстве (в качестве поисков методологии государственного управления в сфере этноконфессиональных отношений и механизмов общенациональной интеграции), так и факт осмысления необходимости реализации интегративной функции государства посредством активизации духовных субстанций кода политико-правовой и гражданской культуры российского народа.

Кроме государствоведческих встают социокультурные проблемы исследования возможного потенциала институциональной организации среды и атмосферы внутриобщинной жизни, целью которых могут быть процессы формирования навыков активной гражданской позиции. По логике определения гражданского общества как совокупности общественных отношений, не зависящих от государства и способных воздействовать на него [6; 7; 8; 9] (в целом, идущую от Ш. Монтескье), структурирующую роль «опосредующих властей» могут выполнять различные общественные объединения, которые становятся для человека своего рода школой, где он учится гражданскими добродетелям, что необходимо перед угрозой этической деградации. Выкристаллизовывается феноменологический ракурс проблем «социализации» доктринального уровня религиозного сознания в рамках гражданско-правовых отношений по поводу тех или иных материальных или духовных благ.

Не случайно социальные концепции самых крупных конфессий не заставили ждать своего появления, определяя «позицию» истеблишмента по основным сферам общественных отношений (Социальная концепция Римо-католической церкви, РПЦ МП [10], концептуальные послы 90-х гг. Далай-Ламы XIV и пр.). Во всяком случае, «социально-политический» заказ на данный функциональный ракурс достаточно ясен. Если брать гражданско-правовой аспект, то методология реализации религиозными институтами данной функции видится в решении проблем, связанных с формами собственности на движимое и недвижимое (здания и земли) имущество, закреплённых в ныне существующих уставах, с одной стороны, и возможных форм этой собственности, имеющих исторический прецедент, с другой. Существуют раз-

личные мнения по этому поводу. Автор полагает, что господствующая ныне корпоративная форма собственности не способствует включению рядовых членов общины (имеется в виду РПЦ МП) в реальные отношения, связанные с выработкой необходимых навыков гражданской жизни и, как следствие, активной гражданской позиции по обретению чаемого единения. Разумеется, это одна из граней всего комплекса проблем связанных с современными вызовами существующим религиозно-конфессиональным и политическим институтам в условиях современных трансформаций форм общественной жизни во всех её ипостасях.

На уровне субъектов РФ проблематика реализации ФЦП и региональных (например, по Иркутской области) программ государственной поддержки в сфере этноконфессиональных отношений, а также профилактики экстремистских проявлений связана с конфессиональной спецификацией миграционных процессов и экономическими трудностями реализации прав КМН. Региональные миграционные потоки имеют два основных конфессиональных вектора – конфуцианский и исламский. Китайский вектор интересен в связи с процессами выработки в Поднебесной методологии разворота интеграционного потенциала конфуцианских базовых этико-мировоззренческих комплексов (об этом будет сказано ниже). Исламский же фактор показателен рядом характеристик. Во-первых, этническим разнообразием (татары, дагестанцы, чеченцы, ингуши, азербайджанцы, таджики, киргизы). Во-вторых, контекстом традиционных и нетрадиционных направлений ислама, определяющих практику государственных структур, ответственных за благополучие этноконфессионального «мезальянса»: сунниты (примерно 95 % от общего количества мусульман, проживающих в Иркутской области), шафииты, шииты (в том числе исмаилиты). Полиэтничность направлений ислама, активные миграционные процессы проявляются в борьбе за влияние в мусульманской умме. Она имеет свою организационную форму – «Байкальский муфтият», который активно сотрудничает с российскими централизованными исламскими структурами, но не входит в них. С исламским фактором связаны и проблемы религиозного экстремизма, непосредственно касающиеся вопросов гражданской позиции общественных объединений и работы с молодёжью. К этим проблемам относятся:

- организация миссионерской работы по защите ценностей и памяти исторического сосуществования российского ислама с иным этноконфессиональным окружением;

- противодействие радикализации по конфессиональному признаку регионального исламского сообщества.

Ещё одна достаточно любопытная грань региональных процессов реализации ФЦП имеет выраженный геополитический окрас и связана с религиозной и национальной политикой Китая, являющейся сильнейшим детонатором для проявлений экстремизма в рамках национально-освободительных движений (например, в Синьцзянь-уйгурском автономном округе). Не случайно поэтому появление на территории Забайкалья исламских экстремистов, в ряду которых числился и небезызвестный Саид «бурятский».

Латентной радикализации этноконфессиональной ситуации способствуют и проблемы КМН Сибири. Они увязываются как с экономическими и экологическими факторами, влияющими на традиционные формы хозяйствования, так и с этнокультурными – сохранением и развитием языка, особенностями мировоззренческого комплекса. Так, в резолюции II съезда КМН Иркутской области (от 12–13 декабря 2012 г.) обеспечение соблюдения прав КМН на приоритетное пользование животным миром связывается с культурой, обычаями и традициями (как правило, рассматриваемыми в рамках шаманизма). В свою очередь, проблемы оптимизации государственного управления экономическим положением КМН соотносятся с активизацией культурно-просветительской работы, направленной на сохранение, развитие и повышение значимости культурного наследия КМН Иркутской области.

В данном вопросе решение этноконфессиональных проблем гражданского единения возможно выстраивать относительно ценностей гражданской религии. Именно данный вектор фактически продекларирован в концептуальных заявлениях руководителей государства и программных документах по национальной политике. Такие ценности, как общность истории, культуры, братство народов, гражданская активность, патриотизм, нравственные основы подаются в качестве базового компонента национальной идеи. Данный ракурс выводит на позиции, связанные с идеологической функцией государства и механизмами её

реализации. На современном этапе механизм реализации программы единства российской нации и этнокультурного развития народов России отчасти обусловлен нормативно-правовой базой вероисповедной политики, нивелирующей саму возможность проявления конфессионально-миссиологического негатива соответствующими положениями (нормами УК РФ и другими актами, имеющими отраслевую спецификацию в системе права РФ).

В свете конфессиональной ангажированности интересы господства доктринальных идеологем социального связаны, прежде всего, со стремлением духовно-территориального доминирования (для мировых религий, прежде всего). На современном этапе возможно моделировать интеграционные процессы с учётом российской специфики традиционных форм институализации конфессий в контексте моделей взаимоотношений с государством. В данном ракурсе к узловым необходимо относятся вопросы природы властеотношений в обществе и вопросы о функциях государства и гражданского общества (исходя из доктринальной специфики их трактовки и социально-политических реалий). Пути преодоления данного комплекса проблем лежат в макро-методологической плоскости. Панацея видится в смене модели формирования гражданского общества и

взаимоотношений его с государством при учете конфессионального фактора. Смена модели – это смена парадигмы. Но в данном случае имеется в виду не инновации, а возвращение к традиционным стереотипам социально-культурного и философско-политического дискурсов. Одним из таких проявлений в отечественной доктрине является модель коллективно-общинного принципа формирования гражданского общества (антитеза индивидуализму, имеющая глубокие историко-культурные корни), а также возврат государства в социальную сферу посредством активизации (формирования) идеологической функции.

В этом ракурсе вопрос о преодолении конфессиональной апории культур-религиозных институтов становится одним из основных. Не случайна в этой связи и актуализация дискуссии по идеологической функции государства и проблемам активизации интеграционного потенциала этноконфессионального фактора как субстанциональной части данной функции. С другой, с учётом наличия вполне «укоренившихся к началу XXI в.» иных конфессиональных институций возникает «родовая» проблема обществ с имперскими признаками политической организации – проблема реализации принципов культур-религиозной толерантности как основы общенационального строительства.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2009. № 1 (3). С. 244–251.
2. Арзуманов И. А., Юрковский А. В. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-восточной Азии XX–XXI вв. Ч. 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9). С. 106–115.
3. Глаголев В. С. Метатеории в управлении: прагматические последствия философских раздумий // Право и управление. XXI в. 2011. № 3. С. 119–121.
4. Глаголев В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиции и традиции динамики // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2010. № 2. С. 131–140.
5. Гражданское общество, правовое государство и право: «Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» // Государство и право. 2002. № 1. С. 12–50.
6. Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе // Pro et Contra. 1997. № 4. Т. 2. Гражданское общество. С. 5. 68–92.
7. Дмитриев Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. 1994. № 7. С. 57–73.
8. Зуляр Ю. А. Теоретико-методологические основы исследования отечественной политики взаимодействия природы и общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2008. № 1. С. 159–171.

9. Красин Ю. Гражданское общество: путь к стабильности // Диалог. 1992. № 3. С. 73–76.
10. Об основах социальной концепции Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 1. С. 6–7.
11. Пьянов Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие в 2 ч. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. Ч. 1: Теория государства. 354 с.
12. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. № 2. С. 196–206.

References

1. Arzumanov I. A. Kul'tur-konfessional'nyi faktor v protsessakh konsolidatsii sotsiopoliticheskogo prostranstva Baikal'skoi Sibiri // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2009. № 1 (3). S. 244–251.
2. Arzumanov I. A., Yurkovskii A. V. Modernizatsionnye aspekty veroispovednoi politiki stran Severo-vostochnoi Azii XX–XXI vv. Ch. 1 // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2012. № 2 (9). S. 106–115.
3. Glagolev V. S. Metateorii v upravlenii: pragmaticheskie posledstviya filosofskikh razdumii // Pravo i upravlenie. XXI v. 2011. № 3. S. 119–121.
4. Glagolev V. S., Silant'eva M. V. Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropeiskoi Rossii: faktory dinamiki traditsii i traditsii dinamiki // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2010. № 2. S. 131–140.
5. Grazhdanskoe obshchestvo, pravovoe gosudarstvo i pravo: «Kruglyi stol» zhurnalov «Gosudarstvo i pravo» i «Voprosy filosofii» // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 1. S. 12–50.
6. Diligenskii G. Chto my znaem o demokratii i grazhdanskom obshchestve // Pro et Contra. 1997. № 4. Т. 2. Grazhdanskoe obshchestvo. S. 5. 68–92.
7. Dmitriev Yu. A. Sootnoshenie ponyatii politicheskoi i gosudarstvennoi vlasti v usloviyakh formirovaniya grazhdanskogo obshchestva // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 7. S. 57–73.
8. Zulyar Yu. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya otechestvennoi politiki vzaimodeistviya prirody i obshchestva // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2008. № 1. S. 159–171.
9. Krasin Yu. Grazhdanskoe obshchestvo: put' k stabil'nosti // Dialog. 1992. № 3. С. 73–76.
10. Ob osnovakh sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi // Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii. 2001. № 1. С. 6–7.
11. P'yanov N. A. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie v 2 ch. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2011. Ch. 1: Teoriya gosudarstva. 354 s.
12. Silant'eva M. V. Tsennostnyi potentsial khristianstva pered teoreticheskimi vyzovami sovremennosti // Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2009. Т. 10. № 2. С. 196–206.

Статья поступила в редакцию 28.03.2014